

Було закладено політичні та ідеологічні засади незалежності. Було подолано страшну економічну кризу дев'яностих. Була створена стабільна економіка та фінансова система. Була закладена дієва демократія. Ствердилася свобода слова. Все це – міцний національний фундамент, за який ми, нова влада, вдячні і який ми жодним чином не ставимо під сумнів.

Але наявність цього фундаменту – ще один стимул думати про подальші кроки. Країна відбулась. Настав час зробити її більш сучасною на конкурентноспроможною. Настав час використати той величезний ресурс, який закладений у нашій нації. Найголовніше – ресурс людський, ресурс нашої інтелігенції, ресурс нашої молоді. А це буде неможливо, поки цей ресурс розколотий.

І тут треба чесно згадати другу ілюзію, з якою нова влада повинна розстатися і вже розстається. Ілюзію про те, що достатньо проголосити реформи та засвідчити свою рішучість в їх реалізації, аби отримати необхідну суспільну підтримку.

Завдання, які стоять перед Україною – настільки масштабні, що одним тільки зусиллям влади їх не реалізуєш. Потрібний також належний рівень діалогу з опозицією та суспільної комунікації. Потрібний більш активний діалог із громадянським суспільством. Потрібна більш чітка і переконлива роз'яснювальна робота щодо непорушності закладених у попередні роки засад демократії та свободи слова.

Не місце для протистояння

Одне із найбільш дивних та водночас популярних українських прислів'їв говорить про те, що «гуртом і батька легше бити». Для іноземця воно, мабуть, звучить дивно. З одного боку, воно характеризує нас як людей, що усвідомлюють необхідність діяти гуртом та об'єднувати зусилля для реалізації спільних цілей. З іншого боку, ці спільні цілі можуть бути дещо, так би мовити, нестандартними.

Переваги сучасного політичного життя – у тому, що гуртом сьогодні бути простіше, а «бити» нікого не треба. Треба будувати. Це стосується як міжнародної арени, так і внутрішньої політики.

Проблеми, з якими стикається європейська та міжнародна спільнота настільки масштабні, а нові можливості настільки далекосяжні, що співпраця і реальне об'єднання зусиль з будь-якої точки зору є більш доцільними, ніж конфлікт.

Звідси – і триваюче перезавантаження системи міжнародних відносин. Звідси – і нові, несподівані альянси, які виникають на місці старої ворожнечі як у безпосередньому оточенні України, так і далеко за його межами. Звідси – поява парадигми партнерства на місці протистояння Схід-Захід.

Важливо, щоб ця парадигма прийшла і в Україну. Бо головна тенденція сучасного міжнародного буття, в якому нові шанси є такими ж великими, як і нові небезпеки, розповсюджується і на нас. З тією лише поправкою, що чим більше ми сваримося всередині країни, тим меншими стають шанси і тим більшими – небезпеки.

На годиннику нації – без п'яти дванадцята. 20 років тому ми отримали від історії подарунок у вигляді незалежності. Але історія не може бути безкінечно поблажливою. Особливо в нинішню динамічну та конкурентну добу. Нам треба переступити через образи. Нам треба об'єднатися. Нам треба докласти всіх зусиль, аби Україна нарешті стала європейською державою у повному значенні слова «європейська».

УДК 339.92 (477)+(470+571)(045)

ПАХОМОВ Ю.Н.,
Институт мировой экономики
и международных отношений НАН Украины, директор,
д.э.н, проф., академик НАН Украины

ФАКТОРЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ ГАРМОНИЗАЦИИ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются основные факторы и предпосылки модернизации экономики и социальной сферы Украины в условиях активизации сотрудничества с Российской Федерацией. Определены основные препятствия и пути перехода Украины к инновационной модели развития.

Ключевые слова: модернизация, экспорт, высокие технологии, инновации, научно-техническое сотрудничество, интеграция.

Анотація. У статті досліджуються основні фактори і передумови модернізації економіки та соціальної сфери України в умовах активізації співробітництва з Російською Федерацією. Визначено основні перешкоди та шляхи переходу України до інноваційної моделі розвитку.

Ключові слова: модернізація, експорт, високі технології, інновації, науково-технічне співробітництво, інтеграція.

Annotation. The article examines the main factors and assumptions of modernization ukrainian economy and social sphere in conditions of intensification of cooperation with Russia. The main obstacles and ways of Ukraine's transition to innovation model of development are defined.

Keywords: modernization, exports, high technologies, innovations, scientific and technical cooperation, integration.

Украина, – страна транзитная; причем транзитная не только в смысле «пропускном», но и по критериям векторной ориентации. Уже с первых шагов её суверенного существования в качестве чуть ли не главного встал вопрос, – «куда двигаться».

Оказалось, что, распрощавшись с одной зависимостью, – зависимостью от Москвы, – Украина без особых раздумий, скорее по привычке, – потянулась к другой зависимости, – зависимости от Запада.

В этом, конечно же, нет ничего плохого; скорее, – наоборот. Ведь Запад не только наиболее успешный, но и доброжелательный. И все же следовать рецептам, идущим от Запада, надо не бездумно, а осмысленно. Во-первых, – потому, что до западных стандартов, и до высот западной практики мы не доросли. И то, что годится там, может быть непригодным в Украине. Во-вторых, – потому что некоторые западные рекомендации, а то и требования, нацелены на извлечение сверхдоходов, и могут наносить неоправданный ущерб украинской стороне; особенно, – процессам модернизации.

Напомню, что крах Украины как успешной страны, и ее превращение в начале 90-х годов из высокоразвитой в отсталую, произошли именно на почве бездумного использования западной реформаторской рецептуры так называемого «Вашингтонского консенсуса». А совсем недавно, – по наущению того же Запада, – мы, вступив в ВТО, обрушили таможенные барьеры, что привело к массовому вырезанию крупного рогатого скота из-за заполнения украинского рынка сверхдешевым некачественным мясом. И это притом, что многие другие страны (например, Китай) от вступления в ВТО лишь существенно выигрывали. Но их цель была, – добиться выгоды; а у Украины (что не случайно) цель была во многом бутафорная: войти побыстрее, любой ценой, и стать «козырной». Еще В. Короленко писал, что Украина, – страна бутафорная. В чем-то это хорошо, – может трактоваться как достоинство; а в чем-то плохо.

Истоки назревающей для страны опасности заложены и в экономике, и в состоянии человеческого фактора.

В Украине, – из-за преступного разрушения высокотехнологического потенциала, – происходит стремительное истощение нынешней, теперь уже низкотехнологической экономики, в том числе истощение на почве неэквивалентного внешнеэкономического обмена с более развитыми странами. Типичной является ситуация, когда в обмен на нашу продукцию с низкой добавленной стоимостью (низкокачественный металл и т.д.) Украина в виде импорта получает продукцию с высокой добавленной стоимостью. Итог, – то ли видимое отрицательное сальдо торгового баланса, то ли «невидимое» истощение потенциала страны. Не случайно Украина за 20 лет независимости так и не смогла преодолеть разрыв (на 30%) с потенциалом Украинской ССР 1990 года. В такой ситуации в лучшем случае ВВП будет «толстеть», но страна не будет развиваться. А ведь главное – развитие, а не надувание ВВП без развития.

Верхом неблагополучия является деградация человеческого фактора. Опасность здесь не только в нарастающем дефиците нужных стране профессий, в том числе важных для технологического прогресса, но и в рекордной депрессивности украинского этноса (о чем свидетельствуют и данные Всемирной организации здравоохранения; и результаты социологических исследований ИС НАН Украины). Ведь успешной страну может сделать лишь народ сильный духом. Это самая большая опасность. И еще опасность, которую надо предотвратить, состоит в том, что отставание от ранее более слабых стран слишком затянулось. В Китае есть притча о море и скале: волны подтачивают скалу, но внешне она выглядит нерушимой. Но наступает момент, когда скала рушится.

Мир динамичен, и слабый быстро оттесняется. К тому же есть обстоятельства, вынуждающие страну принимать радикальные решения в контексте созидания. Во-первых, нависает угроза над главными экспортерами, добывающими валюту. Наряду с ускоренной деградацией технологического базиса, близится вытеснение наших главных экспортеров металла и продуктов химии. Китай, развивший до гигантских масштабов потенциал этих отраслей, – находится на пороге удовлетворения внутренних потребностей в такой продукции. Естественно, что после этого (чему не раз мы были свидетелями) Китай забросает мир своей продукцией; и, соответственно, украинский металл и продукты химии перестанут быть конкурентоспособными, и кому-то нужными.

Соответственно, чтобы заштопать гигантскую экспортную дыру, Украине нужно будет актуализировать тот потенциал, который в виде экспорта приемлем для России, и для более широкого постсоветского пространства. А тут, – хочешь – не хочешь, – придется оживлять то высокотехнологическое, что так тщательно уничтожалось с подачи Запада, и к чему мы пока равнодушны. Понятно, что без активизации отношений с Россией это не получится.

Кстати, – подобный разворот экспортных потоков, а также украинско-российских отношений, даст импульс и преодолению депрессии. Источником оздоровления станет не только появление иных по качеству рабочих мест, но и возродившаяся надежда на лучшее будущее.

Украинцам надо вернуть гордость за свою страну; а это возможно только в условиях активного взаимодействия с Россией. Так, Россия, – в отличие от Евросоюза, – нуждается в продукции украинского машиностроения. А к тому же симбиоз двух наших стран делает возможной состыковку ныне разорванных, но в принципе взаимодополняемых компонентов высокотехнологичных изделий сфер космоса, авиации, судостроения, – что может вернуть Украине былую славу страны высокоразвитой.

Конечно, такие перемены для преодоления депрессивности недостаточны, – особенно если остаются главные источники депрессии, – своеволие верхов и коррупция. Но верится, что по итогам выборов в марте 2012 года ситуация в России радикально изменится. А это, в свою очередь, заставит украинские власти, – как главный субъект коррупции, – тоже меняться.

Естественно, на почве лишь возврата к российско-украинской высокотехнологичности оптимизм в полной мере не воспрянет. Но в том-то и состоит глубинный смысл высокотехнологичности, что она не может не менять общую духовную атмосферу в стране. Ведь реализация высоких технологий, – это не только, и даже не столько перемена настоящего, сколько иное качество будущего. Причем не только качества технологичного, но и социального, и духовного.

Начнем с того, что технологичная высокоразвитость не только востребует квалифицированные кадры, но и дополняет рутинную сиюминутную текучку долгосрочными проектами. А это, – не только проблема техники, но и процесс формирования более совершенного, т.е. лучшего (чем было до этого) будущего. Известно ведь, что с верой в будущее обычно связываются оздоравливающие от депрессии надежды.

Без долгосрочных проектов не только техника, но и жизнь в будущем лишь ухудшается. Улучшается же жизнь народа благодаря перемещению части ресурсов, в том числе и финансовых, – в планомерно намеченное то ли 3-х летнее, то ли 5-ти летнее, то ли еще более отдаленное будущее. И именно такое перемещение ресурсов, и последующая реализация долгосрочных проектов порождает не только улучшение материальной жизни народа, но и, – что не менее важно, – формирует веру в будущее в качестве духовного феномена.

Без веры в будущее устойчивого счастья не бывает; и то, что украинский народ депрессивен, – имеет свое объяснение и в отсутствии надежд на будущее. Ведь качество нашей жизни во многом зависит от выбора той, или иной модели времени.

Мир знает две основные модели времени: циклическую и сценарную.

Циклическая модель обычно свойственна примитивным народам, живущим за счет «подножного корма». Украина, – и это главный ее порок, – в течение всех 20 лет барахталась в тенетах циклического времени, – т.е. жизненный цикл в основном был фиксирован временем «от бюджета до бюджета» и «от урожая до урожая».

И это притом, что Украина еще недавно имела опыт пребывания в более прогрессивном, – сценарном времени, – тогда страна развивалась от пятилетки к пятилетке.

Кстати, страны Запада, перед которыми мы преклоняемся, и куда мы хотим (будучи наивными) «втянуться», – развиваются именно по сценарному (т.е. долгосрочному) времени. И это они переняли от нас. В немалой степени именно отсюда их успех. Мы же, – живущие все годы суверенности в рамках циклического, т.е. примитивного времени, не только скатились в пучину неразвитости, но и поменяли веселый нрав на депрессивность.

Конечно, положение Украины на фоне, скажем ряда стран Африки не так плохо, ведь много стран находятся в яме похуже. Но дело не только в том, как глубока яма. Еще важнее, – с какой высоты страна в нее упала. Помощник Клинтона Оуэн говорил, что «...Ни одна страна не испытала такого крушения, как Украина». Так вот, если кто-то из ямы и не вылезал, и находился в ней постоянно, то это не так катастрофично с позиций осознания своей судьбы. Если это привычное состояние, к которому изначально привыкли, то жители могут с этим не только смириться, но и быть даже довольными.

Другое дело, когда страна падает в яму с большой высоты. Советская Украина, – если условно выделить ее из СССР, была десятой в мире по развитости. В случае крушения системы такого уровня восприятие процессов определяется не только глубиной падения, но и высотой, с которой падение началось.

Россия по своей природе страна жертвенная, и друзьям всегда идет навстречу. Но! При условии, что они настоящие друзья, а не притворные. Ведь та же Беларусь все годы превосходила Украину отчасти благодаря уступкам и поддержке со стороны России.

То самое, – но еще в большей степени, – имело место в отношениях Украинской ССР и РСФСР. Общеизвестно, что последние советские годы Украина жила лучше России. И происходило это, в том числе за счет ценных ножиц в пользу Украины в межреспубликанском российско-украинском товарообмене. Разница, получаемая за год в 80-е годы, составляла примерно 16 млрд. долларов в пользу Украины. Сейчас, с учетом иного веса доллара, это «вылилось» бы примерно в 160-180 млрд. долларов. Огромные преференции получали и прибалтийские, и среднеазиатские республики.

Нет сомнений, что и сейчас, – если будут реализованы намеченные интеграционные проекты, – Россия проявит жертвенность.

Однако главный выигрыш Украины от российско-украинского альянса будет состоять не в тех или иных уступках, а в расширении масштаба рынка и, – что еще важнее, – появлении отсутствующего ныне шанса на реанимирование высокотехнологичности.

Но ныне Украину сверху нацеливают на евроинтеграцию. Начну с того, что с народом в этом вопросе даже не считаются. О чаяниях простых граждан даже не упоминают, когда речь идет о векторе интеграции. То, что в Украине за интеграцию с Россией стабильно более половины опрошенных, – украинская власть во внимание не принимает. От власти мы слышим одно: «мы идем в Европу». А те, кто за Россию, – вроде «никто».

Украинская элита, в лице олигархов, а также бизнес-политиков в какой-то мере менее конкурентоспособна, чем российская. Но дело и в ином. Украинские олигархи богатеют не только за счет своего бизнеса. Они подпитываются и из средств бюджета, а также имеют привилегии, благодаря которым, например, могут не уп-

лачивать в полной мере налоги, или совсем их не уплачивать. Они имеют возможность игнорировать таможенные правила. То есть, речь идет о возможности наживы за счет сращивания крупного капитала с властью. Естественно, интеграция в рамках ЕЭП, или других объединений в пределах СНГ, может разрушить эту благодать, – в том числе по причинам обострения конкуренции с более мощным российским бизнесом. Под давлением конкурентов они лишатся названных внутривосточных преимуществ. А вхождение в ЕС в качестве члена ЕС – это погоня за горизонтом, который все время удаляется. Сама Зона свободной торговли, – это еще далеко не интеграция. К тому же, не случайно в Таможенном союзе все рассчитано, а в отношении Зоны свободной торговли в рамках «Украина – ЕС» расчетов не случайно нет.

Иными словами, украинский бизнес просто боится интеграции с Россией. Боится быть подавленным. Не только быть подавленным через конкуренцию. Он еще боится, что потеряет те льготы, которые часто сопоставимы с доходами от бизнеса. Речь идет о преференциях таможенных, налоговых, о доступе к бюджету и так далее. Но и этим все не ограничивается. Мало ли как поведет себя Россия после прихода в марте 2012 года вновь избранного Президента. В России начинается подготовка к выборам. И тот, кто придет, конечно, будет новой метлой мести. Он захочет расчищать Авгиевы конюшни. В большей мере это касается Путина, в меньшей мере – Медведева. Но факт в том, что каждый властелин, который приходит к власти, начинает с крупных реформ, начинает с того, чтобы урезонить крупный капитал, подчинить его себе, заставить его работать все-таки на страну, а значит на народ. В России эти настроения более ярко выражены, чем в Украине. Поэтому шанс, что в России произойдут очистительные процессы, очень велик. Причем в интеграционной ситуации вихрь очистительных перемен может оздоровить и Украину. А это страшно, – понятно кому.

В такой ситуации важна проблема взаимодополняемости и взаимодействия украинского и русского этносов. Важно, чтобы она была как бы «сквозной». Конечно, Украине достичь высот трудно из-за ослабленности духа государственности; особенно в сравнении с русскими.

Кстати тезис об ослабленной государственности Украины я имел неосторожность высказать на одной из конференций, освещаемых через ТВ. Из-за этого имел неприятности.

Но позже, – буквально через несколько дней после выступления, – я неожиданно получил подмогу от социологов Национального института стратегических исследований при Президенте Украины. Результаты опросов, опубликованные в газете «Зеркало недели» от 11.06.2011 г., позволили, среди прочего, сделать авторам опросов следующие выводы: «... при создании новых проектов... украинцы очень пассивны. Они легче, и даже с определенным удовольствием воспринимают, когда на руководящую роль приходят другие люди. В массовом сознании сложилась вера, что россияне, или европейцы будут лучше руководить нами, чем наши собственные менеджеры».

Конечно, и я это всегда подчеркивал, – борьба украинцев за собственное государство была героической и последовательной. Но бороться за государство, и быть успешными создателями состоявшейся государственности, – это не одно и то же. И скрывать это не только безосновательно, но и антипатриотично. Ведь недостатки надо не утаивать, не консервировать, а оголять, – дабы содействовать их исправлению.

Конечно, к обозначенной проблеме, поскольку речь идет о государстве Украина, дело не сводится. Основное внимание надо уделять проблеме взаимодополняемости русских и украинцев на этом важном поприще. Легко привести аргументы, согласно которым русский человек реализует себя как максималист, а украинец располагает более высокой культурой созидания. И это потенциально может оборачиваться обоюдным успехом. Имеются и другие факты, свидетельствующие о подобной благотворной взаимодополняемости. Но обойти вопрос о несовершенстве украинского государства я не могу.

Вернусь, однако, к тому, что украинское государство в чем-то важном не состоялось. Лучшее свидетельство этому, – отсутствие планирования как фактора развития с ориентацией на будущее. Ведь мы даже не осознаем, и нас это не беспокоит, что живем только сегодняшним днем. А завтра будем жить тем, чем жили вчера. И послезавтра – тем, чем жили позавчера. То есть, налицо материальные свидетельства важности внимания к проблемам государственности как такой, которая не отвечает эталонам современного мира. Ведь эталоном современного мира отвечает государство, которое не только удовлетворяет сиюминутные потребности, но и успешно реализует модель будущего.

Кстати, и русским приходится уступать там, где они слабее.

Так, на Дальнем Востоке неэффективных русских вытесняют китайцы. Похоже, что доберутся они и до нас. Вспомним, – какие успехи достигали корейцы в выращивании у нас лука. Но это стихийный процесс. В общем-то, исправлять ситуацию в Украине сложно во многом и из-за болезненного самолюбия. Украинцы себялюбивы, в отличие от русских. Русский сам позволяет себя считать рванью и пьянью. Украинец же очень чувствителен к тому, что его самолюбие задевают. И в этом тоже проблема. Ведь без беспощадного раскрытия негативов, – в том числе в тонких сферах, таких как ментальность, улучшить ситуацию в Украине не удастся.

Особо острая проблема, – проблема модернизации. Самое опасное, что в технологическом плане все высокое деградировало. Настолько деградировало, что поднять технологии в одиночку Украине уже невозможно. И надо думать, – поднять за счет чего. Ведь тот, кто технически отстает, теряет вдвойне: и из-за упадка, и из-за неэквивалентного обмена с другими, – ушедшими вперед, – странами. Мы окажемся неконкурентоспособными... То есть, подходит время исчерпания той хрупкой и рутинной конкурентоспособности, которая имеется. Возьмем еще такой вопрос: одно дело, когда ситуацию исправляют на старте падения, другое дело, когда прошло двадцать лет падения и общей деградации. Двадцать лет! То есть, мы ушли в такие глубины деградации, что сами, своими силами подняться до высокоразвитости не сможем. Перед нами выбор – или рассчитывать

подняться за счет интеграционного объединения с Россией, или ставить на успешности крест. Об интеграции вопиют все составные части России и Украины. Начиная от технологий и заканчивая взаимовыручкой, готовностью поддержать друг друга, и иметь успех за счет доступности огромного рынка. Мы ведь этого не ценим. Мы колотимся в малюсеньком рынке, и эта «колотнеча» – тоже один из очень серьезных факторов ущербности. Даже вступление в Таможенный союз делает рынок огромным. И это превращение маленького рынка в большой дало бы импульс развитию очень многих отраслей.

Конечно, возможен и вектор в сторону ЕС. Но в Евросоюзе за рамками выгодной Западу Зоны свободной торговли нас не ждут. Была такая *Бенита Ферреро-Вальднер*, бывший комиссар ЕС по внешним связям и Европейской политике соседства. Я помню ее слова. Она меня поразила, сказав примерно так: «Слушайте, успокойтесь! Перестаньте биться в истерику! Не гонитесь вы для нас! По параметрам не подходите». Это почти дословно! Почему? Потому что мы для них нечто чуждое.

Можно, конечно, возразить, что Румынию в Евросоюз взяли. Однако, во-первых, – как ни странно, румыны нас обскакали, как и болгары. Но, несмотря на достигнутые успехи, – разрыв с передовыми странами у них громадный, и лидеры ЕС о том, что их взяли уже сожалеют, потому что слабые в не лучшие времена тянут вниз. Сожалеют, – так как наступили тяжелые времена. И уже обсуждается вопрос, что делать со слабым, с Грецией и так далее. Это их головная боль. В этом смысле, – т.е., за пределами Зоны свободной торговли, «им только нас не хватает».

Многие вообще сейчас ставят вопрос о судьбе самого Евросоюза. Уже в Европе создана комиссия, которая должна будет выработать механизм отлучения стран, которые не вписываются в Евросоюз, – для выведения их из Евросоюза. Все может быть. Причем сыграл здесь роль главную кризис. До кризиса казалось, что вся Европа и весь Евросоюз имеют относительно выравненное пространство, а в выравненном пространстве могут работать единые регуляторы. Когда же пространство оказалось в отдельных фрагментах провальным, – единые регуляторы уже не могут работать. Значит, нужно подкручивать ситуацию отчасти через ручное управление. То есть, практически под вопросом стоит механизм регулирования Евросоюза. И именно для этого, чтобы были страны примерно одного уровня, которые можно едиными регуляторами регулировать, на всякий случай разрабатывается механизм отлучения тех, которые слабы. Но дело не только в этом. Дело еще и в том, что Европу подминает мусульманский мир. И это для них трагедия.

Конечно, мусульмане – это проблема и для России, а со временем, быть может и для Украины. Особенно если иметь в виду Крым.

Одна только российская незаживающая рана – Северный Кавказ чего стоит! Но одно дело Кавказ, – это тяжелый крест для России, который надо нести. Другое дело, – татары, башкиры и другие «не русские». Это совершенно разные вещи. Россия смогла принять их как своих. На протяжении тысячелетия они мирно уживались. Тут сыграл роль и менталитет России, ее уживчивость, а также традиции. При всех недостатках, – достоинство русского человека есть достоинство интегратора. Об этом свидетельствуют даже социологические опросы. По одним и тем же вопросам, по 15 примерно позициям, задавали вопрос: как вы относитесь к своим соученикам, как относитесь к друзьям детства, и так далее. Максимальный результат, – сто баллов. Так вот, там, где россияне набирали – 70-75 баллов, украинцы, – лишь 15-20 баллов. Как видим, и тут Россия позиционирует себя как нация интеграторов. Многовековая уживчивость Россию выручает. И это, – среди прочего, – тоже основания для взаимной интеграции Украины и России. Разумеется, с сохранением суверенитета. И тут снова стоит обратиться к сопоставлению разных векторов интеграции: Таможенный Союз и Зону свободной торговли.

Известно, что Зона свободной торговли в Украине выдается как некое благо, которое может противостоять Таможенному союзу. Начнем сначала с картинки. Если Таможенный союз все до мелочей расписал, и известно, какова будет выгода при таких-то, и таких-то условиях; если там огромная расчетная работа проведена, и ты не вслепую идешь туда – ты знаешь, вот тут я выиграю, вот тут меньше, вот тут больше, а тут, может быть, проиграю – то есть туда осознанно можно идти. А в разговорах о зоне свободной торговли расчетов нет никаких, и быть не может. А почему быть не может? А потому что если бы сделали расчеты, то, во-первых, они были бы абсолютно нереальны, а, во-вторых, в той мере, в которой реальны, они были бы негативны для Украины. Зона свободной торговли в сложившейся ситуации, – это открытость в одну сторону.

Модернизация экономики на основе технологических инноваций не только предполагает наличие отдельных, специальных условий, но и требует целенаправленного формирования адекватной (т.е. инновационно-приемливой) хозяйственной среды. При этом источники инноваций уже на старте могут быть не только отечественные, но и, – заграничные. Так, например, Китай, а также страны Юго-Восточной Азии стали инновационно успешными именно на базе заимствования извне передовых технологий. Причем адсорбировали они инновации не только будучи зажиточными, но и в условиях бедности и неразвитости. Кстати, их буквально сказочный подъем, то есть превращение в высокоразвитых в рекордно короткие сроки, решающе был обусловлен именно внешними технологическими заимствованиями.

В отличие от этих стран, Украина и Россия, – примерно за те же годы, когда «азиаты» преуспевали, – не только разрушали под влиянием Запада свой уникальный высокотехнологичный комплекс, но и пренебрегали возможностью запознания высоких технологий извне. И если применительно к России это в какой-то мере объяснимо фактором настороженного отношения к ней Запада, то в случае Украины это не было оправдано, поскольку она находилась под опекой Запада. Кроме того, если Россия, – за счет своих сверхусилий, – вскоре стала наверстывать высокотехнологичность, – то Украина все годы продолжала технологически деградировать.

Причин для небрежения со стороны Украины высокотехнологичностью много. Но часто даже те из них, которые внешне будто бы относятся к технологической проблематике, – во многом являются производными от нетехнологических причин, – в том числе от силы духа.

В этой связи, многообещающими представляются исторические экскурсы, указывающие на духовные причины мощного инновационного всплеска в тех или иных странах, а то и цивилизациях. Несомненно, особый интерес в этом отношении вызывает до сих пор лидирующий в сфере инноваций Запад. И именно здесь мы обнаруживаем взаимозависимость инноваций технологических и силы духа.

Так, в странах Запада, особенно Великобритании, Германии и США, решающее воздействие на инновации в свое время оказали победоносные духовные ценности в виде ценностей протестантизма, с их пуританской этикой. Речь идет не только о присущем этим этносам рационализме, но и о той мощной «экстравертности», которая побуждала человека Запада технологически преобразовывать среду обитания, и идти в этом смысле к новым и новым «горизонтам».

Также преимуществами в силе духа, а соответственно и в гонке за технологическим прогрессом, располагает Китай. К тому же, у китайцев, в отличие от «белого человека», развито образное мышление, позволяющее восполнять в общей картине технологического прогресса «недостающие звенья». Далее, китаец, где бы он не находился, – работает на свою родину, то есть на Китай. Это тоже сфера духа. И когда Китай посылает лучших из лучших учиться в ВУЗы Соединенных штатов с последующим устройством в высокотехнологические центры, – то китаец и там ухитряется работать на свою родину.

Важнейшее значение для инноваций имеет нацеленность Китая на будущее. Ведь инноваций без ставки на будущее неполноценны. Гармония настоящего и будущего предопределена более чем тысячелетним исповедыванием ценностей конфуцианства, даосизма и буддизма. В итоге не только день «вчерашний», но и «позавчерашний» «работают» и на настоящее, и на будущее. И это все заложено в духовности народа.

Кстати, после Мао Дзедун, отвергшего традиционные ценности, и опустившего страну, ситуация была исправлена тем, что Дэн Сяопин объявил Мао Дзедун великим конфуцианцем. Тем самым он дал толчок развитию, – «заштопав ценностную черную дыру», и создав ситуацию преемственности прошлого, настоящего и будущего. В итоге Дэн Сяопин спас Китай от деградации; и дал импульс успешности.

Украина, как и Россия (в противовес тому, что сделал Китай), в ходе распада СССР разрушили преемственность со своим прошлым; и обе страны до сих пор расхлебывают негативные последствия радикального отвержения не только негативов, но и положительных явлений советского прошлого. Соответственно в постсоветской ситуации были разрушены как высокотехнологичные сегменты экономики, так и ценностные позитивы, – особенно то, что касалось потребительской умеренности, справедливости, культа науки и многого другого. Далеко не случайным в Украине был лозунг тех времен «из ракет будем делать кастрюли»; по сути он был символом того времени. Парадокс состоит и в том, что даже созданные в Украине, и востребованные за рубежом высокотехнологичные новинки украинской экономикой отторгаются.

Началось это отторжение уже в первые годы существования суверенной Украины, – когда еще имелись высокотехнологичные комплексы т.е. имелось поле для внедрения новинок. Уже тогда шокирующее впечатление произвел отказ от использования выдающегося открытия в области нанотехнологии, так называемого электронно-лучевого физического осаждения пара (аббревиатура: EB – PVD), – сделанного в Институте электросварки им. Е. О. Патона. Готовность купить эту технологию тут же вызвались американцы, которые рассчитали, что эффект от внедрения изобретения к 2005 г. превысит \$ 7 млрд. (см. статью академика НАНУ Б.Мовчана, газ. «2000» от 21.08.2009 г.).

Убедительные примеры на сей счет приводит и известный обозреватель еженедельника «Зеркало недели», ученый-физик Александр Рожан в статье ж. Радуга (4.2009 г.) «Хроники великой надежды», посвященной академику НАН Украины Лукьяну Ивановичу Анатичуку. Оказывается, в возглавляемый им институт с целью приобретения опережающих хайтековских устройств приезжают солидные заказчики из лучших научно-технических центров Японии, Франции, США, Китая. Здесь изобретаются, и доводятся до стадии готовности уникальные термозлектрические устройства для космоса, быта, медицины, энергетики. Но в Украине эти, – готовые к применению устройства, – внедрить не удастся. На все попытки убедить руководство страны использовать разработки следует ответ: «денег нет». И если в России, – после троглодитского изуверства, – преемственность худо-бедно была налажена, то в Украине, – с ее быстрой сменой власти, каждый новый вождь, – отвергая дела предшественника, – начинал лепить страну заново. Все это сопровождается радикальным, а то и скандальным разрывом между прошлым, настоящим и будущим; и тут уже о каких-то долгосрочных инновационных проектах (а инновационные проекты всегда долгосрочны) не может быть и речи. Стране остается добивать «до ручки» промышленное наследство прошлого, ускоренно деградировать, и в качестве альтернативы собственной неуспешности иждивенчески уповать на вхождение в Евросоюз. Тем самым, независимо от степени реальности этого проекта, – вопрос об инновациях логично закрывается. И идеалом становится не рынок в лучшее будущее, а т.н. стабильность и устойчивость. То есть, главная задача, – еще раз не упасть. И даже то обстоятельство, что нынешний премьер Н. Азаров, – управленец высокого класса, – для судеб страны не имеет никакого значения.

Анализ причин стремительной технологической деградации свидетельствует о том, что в нынешней Украине решение проблем модернизации меньше всего зависит от технологий как таковых. Технологии станут важны, когда для их реализации появятся условия. Ныне технологические новшества отторгаются не только институтами в системе экономики, но и всей общественной системой.

По этим причинам, если сейчас сосредоточиться лишь на технологиях, толку не будет. У нас ведь до сих пор есть высококлассные модели самолетов; имеются космические технологии и многое другое. Но все это без адаптивных перемен неподъемно. В том числе неподъемно из-за разрыва взаимодополняющих факторов с Россией.

Имеются иллюзии, – для этого нужны деньги, и все образуется. Нет, деньги сами по себе нас не спасут. Деньги сейчас «не в корм коню». Для их успешного модернизаторского освоения, да и для наращивания нужно, чтобы общество было здоровым, а не больным.

Ситуация в Украине осложняется и тем, что плачевное состояние экономики досконально не осмысливается, и не признается. И тут помехой для углубленного анализа выступает наигранный оптимизм. Похоже, что в Украине, склонной к бутафории, – не случайно до сих пор нет диагноза тому, что же со страной произошло.

С учетом всех этих обстоятельств становится ясно, что решение задач модернизации, в том числе технологической, во многом зависит не только от экономических и традиционных социальных задач, но и от выведения этноса из состояния депрессии и безверия. Без этого успех невозможен, – ибо, – как доказал еще Шарден де Тейяр, – «дух сильнее материи».

Все это так; но вначале надо поставить обществу диагноз на предмет выявления конкретных, несовместимых с модернизацией негативов. И лишь потом обозначить благоприятствующие успеху обстоятельства и действия.

Начнем с застарелых уже обстоятельств, несовместимых с модернизацией; причем перечислим лишь некоторые из них.

На первое место среди несовместимых с модернизацией негативов поставлю коррупцию и смыкающийся с ней передел собственности. Мне скажут, – коррупция есть везде, даже в Китае, где коррупционеров расстреливают. Да, это так. Однако наша коррупция существенно отличается от коррупции успешных стран. У нас она является чуть ли не главным регулятором экономики, и многих сегментов социальной сферы общества (возьмем лишь только проблемы медицины, образования и «справедливости судов»). Естественно, что без преодоления всеохватывающей коррупции модернизация невозможна.

Напомню общеизвестное: все успешные реформы, – от реформ Рузвельта до реформ в странах экономического чуда Азии, – сопровождалась тотальным и радикальным искоренением коррупции; и без этого успеха не было бы.

Показательный эпизод. Когда легендарного премьера Сингапура Ли Куан Ю, сделавшего из «бомжатника» первоклассную страну, спросили: «Как Вы справились с коррупцией, – он ответил: «Придя к власти, я тут же посадил в тюрьму двух самых близких друзей. Далее, я за одни сутки уволил всех судей, и на их места поставил лучших выпускников юридических факультетов».

Да! Это было не демократично. Но те же Соединенные штаты, которые нас учат демократии, и следят за нами как кот за мышью, – действия Ли Куан Ю одобрили с восторгом.

Второй негатив, – исключаящий модернизацию, – это чрезмерный разрыв в уровнях жизни богатых и бедных, порождающий несовместимые с модернизаторским духом отчужденность, чувство несправедливости; и, соответственно, – депрессию. Мне скажут, – разрыв имеется и в успешных странах. Да, это так. Но наши люди, – пережившие слишком болезненный перепад от того, что считалось когда-то справедливостью, к ситуации, – когда вверху оказались несправедливо сверхбогатые, – разрыв воспринимают слишком болезненно; и именно он, этот разрыв, – во многом предопределяет рекордную по мировым критериям депрессивность.

Кстати, в Китае, когда разрыв богатых и бедных оказался для восприятия простого люда чрезмерным, – вопрос был вынесен на съезд, и, – в результате принятия нужных мер, – разрыв был оптимизирован.

В странах ЕС, – в отличие от нашей практики, – у крупного капитала через налоги и другие механизмы изымается в разных странах от 40 до 70 процентов прибыли; и это во многом определяет возможность оптимизации процессов распределения доходов, в том числе по критериям социальной справедливости.

Известно, что украинская практика обеспечивает именно крупному капиталу в процессах распределения доходов шадящий режим. И хотя по итогам обсуждений налогового кодекса предлагались методы изъятия части доходов у владельцев крупных корпораций, – меры эти смотрелись как слишком шадящие, и мало что меняющие. Возьмем, к примеру, предложение о налогообложении на роскошь. Какой прок от этого механизма, если роскошные дворцы у богатеев за границей. К тому же сам налог на роскошь вскоре обернется стимулом к выведению и роскоши (а не только денег) за границу.

Вывод состоит в том, что действенным с позиций справедливости, а значит, – и преодоления депрессивности, – является лишь налог на доходы.

Конечно, и здесь могут срабатывать уловки, минимизирующие прибыль. Наиболее доступный механизм, – искусственное «вздутие» издержек. Могут быть при нашей либеральной (а значит плутовской) практике и другие лазейки, сводящие на нет изъятие доходов у богатых.

Чтобы нормализовать ситуацию, следует обратиться, опять-таки, к европейскому, или же к американскому опыту, который действует безупречно. Наиболее приемлемым, и доступным для Украины является практика, реализуемая в Германии.

Согласно этой практике, оптимизацию процессов перераспределения доходов обеспечивает двухъярусный Совет директоров, состоящий из «наблюдательного» и «управленческого» уровней. В наблюдательный Совет, кроме мелких акционеров и рабочих, заведомо заинтересованных в «полноценности» выявления дохода, входят также представители государства, банков и союза потребителей.

В Украине важно было осознать, что пока страна бедна, – роскошь богатых недопустима; не допустима с позиций состояния страны. Дело не только в морали как таковой, но и в судьбе страны. Не случайно в странах Западной Европы даже в 1970-е годы, пока общее благоденствие не наступило (т.е. пока они переживали примерно нашу стадию), – для владельцев крупного капитала считалось недопустимым и позорным жить в роскоши. Глава преуспевающей корпорации обычно демонстративно соблюдал скромность в быту, и ездил на недорогом автомобиле. И то, что шведский король тогда передвигался на велосипеде, – был сигнал, посылаемый богатым гражданам в ситуации, когда народ еще беден. Кстати в США, когда страна лишь пробивалась в лидеры, скромность в быту была культовой и повсеместной. Причем пример показывали за редким исключением и самые богатые граждане, и лидеры страны. А.В. Коржаков, сопровождавший Б.Ельцина при посещении резиденций президентов США, в своих воспоминаниях писал: «Скромность и простота резиденций повергла нас в уныние...». Весьма основательно в те годы американское государство «общипывало» свой крупный бизнес. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за период 1928-1964 гг. число долларовых миллионеров (не миллиардеров!) уменьшилось с 32 до 13. Украина же, лишь начиная свою экономическую жизнь, ведет себя так, как вроде бы страна идет к закату: она, едва родившись, и провалив экономику, бьет рекорды по числу долларовых миллиардеров. Мудрец Конфуций говорил, что «в бедной стране стыдно быть богатым; а в богатой, – бедным». У нас же приход во власть той или иной личности стал определяться так называемыми «откатами». А еще Ф.Рузвельт говорил, что «правительство, которым управляют деньги, так же опасно, как правительство, которым управляют бандиты».

Третий негатив, – стоящий на пути инновационного развития, – это масштабное обесточивание финансов страны из-за выведения доходов крупного бизнеса в офшоры. И это происходит даже тогда, когда ныне в мировой практике, – кстати, по инициативе США, – разворачивается борьба с размещением доходов в офшорах. Ныне из офшоров капитал массово изгоняется, и заводится в страны происхождения. Украина же этого как бы не знает, и знать не хочет. Понятно, что без пресечения масштабнейшей утечки капитала модернизация невозможна.

Четвертый негатив, – несостоявшаяся собственность. Права собственности в Украине размытые, процесс ее легитимизации не завершен. И это не только сдерживает модернизацию, не только лишает страны долгосрочных вложений в формирование будущего, но и провоцирует рейдерские атаки, и другие способы перераспределения собственности в пользу сильных.

В итоге неустойчивость собственности предопределяет неустойчивость экономики страны. Выигрывают от этого сильные; проигрывают слабые, т.е. малый и средний бизнес, на котором, – в странах благополучных, – зиждется успех страны. А у нас этот бизнес сопровождают неудачи. Бессилие слабых, и произвол сильных порождают такие извращения как крышевание, поборы, откаты, и многое другое.

Размытая и неупорядоченная собственность отравляет, по сути, всю социально-экономическую среду, и служит основой масштабной теневой экономики.

Пятый фактор, – о чем уже отчасти упоминалось, – это несовместимое с инновациями воцарение в Украине примитивной, почти племенной культуры Времени. В стране десятилетия торжествует сиюминутность, поскольку диапазон деяний в Украине во времени ограничен. А это заведомо лишает страну высоких технологий, – ведь они – плоды долгосрочных проектов.

Что же может подтолкнуть Украину к преодолению масштабных деформаций и, соответственно, – к успеху. Я не исключаю, что даже предложенный Россией, и проработанный вместе с Украиной проект Таможенного Союза может пробить первую брешь надежд в ситуации безысходности. Ведь проект этот, – не пустые обещания, – типа «мы будем в Европе»; он подкреплен реальными расчетами, от которых некуда деться.

Но дело здесь не только в материальной стороне. Главное, – в благоприятных сдвигах в ментальности. Ныне, чем дальше мы отходим от развала СССР, – тем большее число украинцев хотят быть вместе с Россией. Где-то между 1/2 и 2/3 общего числа украинцев желают быть в едином пространстве с Россией. Но zaangażированные прозападные украинские СМИ, вслед за вождями, этого заведомо «не замечают». Странники же содружества наших стран помнят, что Россия, – единственная в мире страна, которая ради братских отношений готова жить хуже, чем окраины; и в этом проявляется не только стремление к величию, но и ее жертвенность.

Вопреки оранжевым сказкам, для большинства русских и украинцев российско-украинская отчужденность была нестерпимой и несправедливой. Великий Гоголь не случайно писал, что великороссы и малороссы как бы созданы друг для друга. И надо сказать, что ментальная взаимодополняемость не только реальна, но и прагматична. Русские, в отличие от украинцев, – максималисты, они сторонники высоких горизонтов и долгосрочных стратегий, – чего так недостает Украине. Украинцы более тщательные и «помиркованные». И если на эту взаимноблагоприятную ментальность накладывается подъем экономики за счет не только Таможенного союза, но и, что важнее, – украинско-российской взаимодополняемости на почве реанимируемой высокотехнологичности, – то эффект от факторов интеграции будет возведен в степень.

А теперь о сложностях перехода Украины к инновационной модели.

Самая большая сложность – это эффект первого толчка. Одно дело поддерживать горящий инновационный костер, что у нас было в «прошлой» жизни; другое – зажечь его на остывшем пепелище, когда дрова подмочены, и спички не зажигаются. Тут нужны на старте сверхусилия. И, конечно же, – расширение перспектив научно-технологического взаимодействия Украины с Россией.